

Географический детерминизм Г.В.Ф. Гегеля

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию: 10.06.23

В окончательном варианте: 30.06.23

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Географический детерминизм Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 3. С. 103–112. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.10>

Аннотация. Философия истории Г.В.Ф. Гегеля имеет ярко выраженный географический профиль. Географический детерминизм Г.В.Ф. Гегеля развивает стихийный материализм философии истории И.Г. Гердера и акцентирует роль стихии моря как фактора всемирности истории. В соответствии с тремя основными географическими моментами мировой истории — плоскогорьями, речными равнинами и морскими побережьями — Г.В.Ф. Гегель выделяет и характеризует три типа общественной жизни, базирующихся на скотоводстве, земледелии (с промышленностью), торговом мореплавании. Методологическая стратегия географического детерминизма актуальна для социокультурных исследований антропосоциогенеза и логики национальных культур.

Ключевые слова: Г.Д. Гачев; Г.В.Ф. Гегель; И.Г. Гердер; Л.И. Мечников; философия истории; стихийный материализм; географический детерминизм; геополитический дуализм.

Hegelian geographical determinism

Е.А. Tyugashev

Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 10.06.23

Revision submitted: 30.06.23

■ For citation: Tyugashev E.A. Hegelian geographical determinism. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(3):103–112. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.3.10>

Abstract. G.W.F. Hegel's philosophy of history has a pronounced geographical profile. The hegelian geographical determinism develops the spontaneous materialism of J.G. Herder's philosophy of history and emphasizes the role of the element of the sea as a factor of the universality of history. In accordance with the three main geographical moments of world history — plateaus, river plains and sea coasts — G.W.F. Hegel identifies and characterizes three types of social life based on cattle breeding, agriculture (with industry), merchant shipping. The methodological strategy of geographical determinism is relevant for socio-cultural studies of anthroposociogenesis and the logic of national cultures.

Keywords: G.D. Gachev; G.W.F. Hegel; J.G. Herder; L.I. Mechnikova; philosophy of history; spontaneous materialism; geographical determinism; geopolitical dualism.

Актуальность философии истории Г.В.Ф. Гегеля отмечают многие исследователи. Это удивительно, поскольку более ста лет назад считалось, что в этом разделе своего учения Г.В.Ф. Гегель «наиболее устарел и антиквирован» [9, с. 289].

Интерес к философии истории Г.В.Ф. Гегеля И.Л. Андреев объяснял тем, что многие гипотезы и идеи Г.В.Ф. Гегеля «вплотную примыкают к предмету жарких дискуссий и поисков философов и историков современности» [15, с. 225]. А.М. Каримский также констатировал современность философско-исторических идей Г.В.Ф. Гегеля и оживление интереса к ним [6, с. 9].

Действительно, замечено, что «Лекции по философии истории» выступили концептуальной точкой отсчета при анализе конца истории у Ф. Фукуямы [5, с. 5], философского дискурса о модерне у Ю. Хабермаса [5, с. 6]. В.И. Корниенко полагает, что философия история Г.В.Ф. Гегеля «не исчерпала своего эвристического потенциала, она содержит ряд продуктивных в исследовательском плане социально-философских идей, разработка которых способствует всестороннему анализу проблем исторического процесса» [8, с. 200–201]. А.Ф. Поломошнов пишет о почти единогласном отношении к философско-исторической системе Г.В.Ф. Гегеля как к любопытному, но не актуальному курьезу, сданному в философский музей, но считает нерешенной проблему положительного историко-философского снятия данной системы. А без решения этой проблемы невозможно, по его мнению, создать «философию истории более высокого теоретического уровня» [13, с. 3]. В недавней публикации И.В. Макарьев приходит к выводу о необходимости нового обращения к философско-исторической концепции Г.В.Ф. Гегеля [10, с. 263].

Таким образом, позитивное отношение к философии истории Г.В.Ф. Гегеля не исчезло. Она рассматривается как система, по концептуальной мощи пока непревзойденная философско-историческими концепциями XX века. В скрупулезном освоении философско-исторической системы Г.В.Ф. Гегеля видятся обнадеживающие исследовательские перспективы.

Следует сказать, что единства в определении конкретных возможностей дальнейшего развития идей Г.В.Ф. Гегеля не наблюдается. По-видимому, каждое из философских движений (направлений, течений) будет разрабатывать собственную стратегию актуализации наследия Г.В.Ф. Гегеля при обосновании, развитии и конкретизации своих философско-исторических учений. Поэтому можно предполагать существование множества линий концептуального прогресса, восходящих к философии истории Г.В.Ф. Гегеля.

Одной из таких линий является исторический материализм, зачатки которого, как были убеждены его основоположники, содержатся в учении Г.В.Ф. Гегеля. И.Л. Андреев высказывал мнение, что философия истории Г.В.Ф. Гегеля в целом «снята» историческим материализмом, но в связи с этим подчеркивал: «И сегодня назрела необходимость такого материалистического “снятия” в деталях, в частных моделях различных аспектов исторического процесса» [15, с. 225]. Хотя на данную необходимость указывалось в начале 1970-х годов, решение этой задачи по-прежнему актуально.

Одним из недостаточно разработанных аспектов марксистской философии истории является многообразие мирового исторического процесса, его вариативность. Обсуждая проблему исторического многообразия, известный

специалист в области исторического материализма В.Ж. Келле предложил многоуровневую модель, основанную на делении развития человечества на периоды доистории (первобытности), предистории (начиная с неолитической революции) и собственно истории, наступающей с появлением письменности [7]. В.Ж. Келле полагал, что в период доистории возникло культурное многообразие, в период предистории — социальное многообразие, а в период истории — собственно историческое многообразие. В период истории культурное и социальное многообразие не исчезает, а снимается, т. е. сохраняется в качестве внутреннего дифференцирующего основания.

Согласно В.Ж. Келле, многообразие культур в период доистории обусловлено пространственным многообразием планеты и разнообразием среды обитания, природных условий существования людей [7, с. 127]. «...Каждое человеческое сообщество способ своего существования адаптировало к конкретным условиям среды — климату, характеру пищи, условиям обитания и т. д.», — писал он [7, с. 126]. Имели место, как констатировал В.Ж. Келле, и незначительные биологические изменения (цвет кожи, разрез глаз и т.п.) [7, с. 126].

Выделенный В.Ж. Келле культурный уровень детерминации исторического многообразия известен в философско-исторической мысли как географический детерминизм. Его суть состоит в обусловленности общественной жизни народов природно-климатической зоной. «Данное различие было особенно чувствительным для человека на ранних ступенях развития общества, когда преобразование предметов природы составляло лишь незначительный процент, по сравнению с их использованием в готовом виде», — поясняет А.А. Мустафин [11, с. 10].

Таким образом, в предложенной В.Ж. Келле многоуровневой модели детерминации исторического многообразия позиция географического детерминизма учитывается как весьма значимая для развития человечества. Географическая детерминация проявляется в культурном многообразии, которое сохраняется и в период истории.

Позиция географического детерминизма выступает отправным пунктом эмпирического анализа в философии истории Г.В.Ф. Гегеля. Говоря о том, что всемирная история есть история духа, он подчеркивал следующее: «Мир обнимает собою физическую и психическую природу; физическая природа также играет некоторую роль во всемирной истории...» [3, с. 70]. Эта роль не столь уж незначительна.

Вводные разделы «Философия истории» Г.В.Ф. Гегеля содержат описание природы и обитателей Америки и Африки. Основные разделы работы построены как экскурсия по странам Старого Света: Китай, Индия, Персия, Сирия Иудея, Египет, Греция, Рим. Каждый раздел, описывающий конкретный культурный мир, содержит его географическую характеристику.

Например, начиная характеристику римского мира, Г.В.Ф. Гегель после предварительных замечаний переходит к описанию территории. По его оценке, Италия — в отличие от Нильской долины — не обладает естественным единством. Но таким единством обладает северная Италия, образованная в рамках бассейна реки По и отделенная от полуострова. Поскольку Рим, как полагал Г.В.Ф. Гегель, способен подчинить северную Италию только искусственно,

то «географически и исторически римское государство основано на насилии» [3, с. 305]. Как мы видим, оценка географии региона становится предпосылкой его культурно-исторической характеристики.

И только остановившись на германо-христианском мире, автор описывает стадии его исторического развития. В результате работа Г.В.Ф. Гегеля сконструирована как травелог или, точнее, как мысленное путешествие. Последовательно знакомясь с изложением Г.В.Ф. Гегеля, мы наблюдаем не столько шествие мирового духа, сколько совершаем экскурсию по маршруту, избранному автором.

Эксплицитно позиция географического детерминизма представлена в вводном разделе «Географическая основа всемирной истории» [3, с. 126]. Трудно согласиться с тем, что И.А. Василенко интерпретирует содержание философии истории Г.В.Ф. Гегеля исключительно как «глубокое исследование философии истории с точки зрения развития национального духа и политического строя разных народов» [2, с. 14], а географический аспект относит к геополитическому анализу. Напомню, что естественные различия Г.В.Ф. Гегель предлагает рассматривать «как особые возможности, из которых развивается дух» [3, с. 126], то есть в философском аспекте. Соответственно, духи народов понимаются в обусловленности ландшафтом, который есть основа развития местных духов.

Характеризуя ислам как религию арабов, Г.В.Ф. Гегель пишет, что «здесь дух совершенно прост, и здесь распространена склонность к бесформенному» [3, с. 374]. Объясняет он это тем, что в пустынях «нет ничего такого, что могло бы быть формируемо» [3, с. 374]. Абстрактно Единое становится абсолютным предметом и, соответственно, «поклонение Единому есть единственная конечная цель магометанства, и содержанием деятельности для субъективности являются лишь это поклонение и намерение покорить Единому мирское» [3, с. 373].

В противоположность ландшафтам Передней Азии вся Греция расчленена, изрезана заливами, раздроблена на мелкие части обилием гор и рек. Отсутствие географического однообразия и массивности, а также индивидуализация разнородных природных субстанций определяют способ представления, присущий греческому духу. В основе его «лежат предметы, существующие в природе, но не в их массе, а в их обособленности» [3, с. 263]. Предметность мышления определяет эйдетический характер познания: «Ведь греки лишь всматриваются в предметы, существующие в природе, и составляют себе догадки о них, задаваясь в глубине души вопросом об их значении» [3, с. 263].

Естественный тип местности образует, по убеждению Г.В.Ф. Гегеля, географическую основу типа и характера народов и государств.

Так, мир египтян составляет естественно замкнутая область, физические условия и характер природы в которой определяются двумя факторами — Нилом и солнцем. Ограниченностью окружающего мира обусловлено «тупое самосознание египтян» [3, с. 242], которое «поклоняется тупой душе, замкнутой еще в одной только животной жизненности, и симпатизирует жизни животных» [3, с. 242].

Физико-географическое разнообразие в Греции определяет разнообразие греческих племен и подвижность греческого духа, стремящегося к переменам,

тогда как на речных равнинах «ничто не побуждает однообразное население стремиться к переменам, так как его горизонт постоянно одинаков» [3, с. 255]. Из-за раздробленности в Греции «не существует и массового единства семейной сплоченности и национальной связи, но в борьбе против раздробленной природы и ее сил людям приходится более полагаться на самих себя и на напряжение своих слабых сил» [3, с. 262]. Это определяло также непостоянство и рассеянность в характере индивидов, зависимость от случайностей природы и озабоченное вслушивание во внешний мир, который все же духовно воспринимался и усваивался. Так у греков вырабатывались свободная индивидуальность, личное мужество и самодеятельность.

Ландшафту пустыни соответствует облик арабского мира: «В этом бесконечном море все движется дальше; нет ничего устойчивого, то, что приобретает определенные очертания, остается прозрачным и так же расплывается. Династиям у арабов была чужда прочная органическая связь, поэтому государства лишь вырождались, индивидуумы лишь исчезали в них» [3, с. 375]. Но так случается не со всеми индивидуумами. «Но там, где благородная душа фиксируется, как волна в морской зыби, она выступает с такою свободой, что не существует ничего более благородного, великодушного, мужественного, безропотного», — писал Г.В.Ф. Гегель [3, с. 375].

Г.В.Ф. Гегель выделял различные типы физико-географических различий и соответствующие им уровни географической детерминации истории. Выделенные природные различия были для него в разной степени значимы. Например, он указывает на различие климатов [3, с. 126–127], но для него это не самый важный географический фактор. Некоторое значение он придавал геоморфологии континентов. Но наиболее существенное значение, на его взгляд, имеют три основных естественных типа местности: безводные плоскогорья (и степи), низменности с большими реками, непосредственно прилегающие к морю прибрежные страны [3, с. 134]. Данные ландшафты представлены во всех частях света. А в конкретном единстве все три основных географических момента существовали только в древнеперсидском государстве (плоскогорья Персии и Мидии, долины Междуречья и Нила, прибрежные государства в Малой Азии) [3, с. 222–223].

Понятно, что плоскогорья не абсолютно безводны, а скорее маловодны, как в Австралии, где «мы найдем огромные потоки, которые, еще не прорыв себе русла, оканчиваются в болотистых равнинах» [3, с. 134]. Но и ясно также, что естественные типы местности Г.В.Ф. Гегель дифференцировал по наличию водных ресурсов — от практически полного их отсутствия до концентрации в стихии моря. Поэтому не вполне права Е.Н. Горина, полагающая, что только Л.И. Мечников «впервые обратил должное внимание на роль гидросферы (водной среды) в процессах социогенеза» [4, с. 56]. Справедливо отмечается, что Г.В.Ф. Гегель отошел от климатоцентризма и стал ориентироваться на аквацентризм [12, с. 126–127].

Влияние основных географических моментов мировой истории на общественную жизнь народов в понимании Г.В.Ф. Гегеля представлено в таблице 1.

Общественная жизнь обитателей плоскогорий и степей характеризуется как естественное состояние. Это исторически первичная форма общественной жизни человека. Геоисторической тенденцией является постоянное

устремление непостоянных, беспокойных и бродячих обитателей плоскогорий к укоренению на плодородных равнинах [3, с. 145]. Г.В.Ф. Гегель указывает на известный факт ассимиляции: завоевывая речные равнины, народы гор не изменяли духа этих мест, но сами усваивали его себе [3, с. 211]. В качестве примера он указывает на маньчжур, которые «вынуждены были усердно изучать китайские законы и науки» [3, с. 162].

Таблица 1

Влияние географических моментов мировой истории на общественную жизнь народов в философии истории Г.В.Ф. Гегеля

Жизненные аспекты	Плоскогорья и степи	Плодородные речные равнины	Приморские страны
Культурная роль	Прочно замкнуты в себе, но способны давать импульсы народам речных равнин	Образуют центры культуры	Выражают и сохраняют мировую связь, достигая высокого уровня культуры
Образ жизни	Скотоводство, бродячий образ жизни	Земледелие и промышленность	Мореплавание и торговля
Политическая жизнь	Патриархальные отношения с разделением на семьи и неустойчивые государства (вождества)	Сословно-кастовые отношения господства и порабощения; большие государства (деспотии и теократии)	Гражданская свобода
Правовое состояние	Правовых отношений не существует; состояние абсолютной и сплошной несправедливости	Правовые отношения на основе поземельной собственности; прикрепление человека к земле и его зависимость в бесконечном множестве отношений	Договорные правовые отношения
Нравы	Люди крайностей с беспокойством и непостоянством; необузданность чувственного произвола и энергии воли; беспечность	Урегулированность повседневной деятельности; рассудочность, благоразумие и тупость; предусмотрительность и забота о будущем	Хладнокровное мужество и благоразумие; хитроумие, деловитость и предприимчивость

Г.В.Ф. Гегель не видел положительной роли нашествий кочевников, за исключением установления исторической связи между различными естественными типами местности. «Итак, мы видим, — писал он, — что дикие толпы, устремляясь с плоскогорий, вторгаются в страны, опустошают их или, поселяясь внутри их, отказываются от дикости, но вообще безрезультатно распыляются в субстанции» [3, с. 149]. Абстрактно-общая негативная оценка влияния кочевников на земледельческие цивилизации, как известно, была проблематизирована Ж.А. де Гобино. Да и сам Г.В.Ф. Гегель в противоположность своей оценке видел в персах, свободном горном и кочевом народе, первый исторический народ, сохранивший прежний образ жизни

и добившийся преобладания своих принципов в древнеперсидском государстве [3, с. 222].

Организация общественной жизни на речных равнинах определяется, согласно Г.В.Ф. Гегелю, регулярностью времен года и необходимостью централизованного регулирования земледельческих работ [3, с. 145]. Общественный строй речных государств оценивался немецким философом как полицейски, но рационально урегулированный [3, с. 237]. Необходимость расширения обрабатываемых земель ведет к продвижению равнинных государств от верхних рек к дельте и к выходу в море.

Как подчеркивал Г.В.Ф. Гегель, не все страны, имевшие выход к морю (Китай, Индия, Вавилония) усваивали себе принцип моря [3, с. 145]. Но он замечал, что они «делали это лишь в тот период, когда формировалась их культура» [3, с. 145]. Действительно, интенсивную морскую торговлю вели шумеры и Южная Индия, а последняя вместе с Южным Китаем вплоть до периода Нового времени формировала мощный центр морской торговли в Юго-Восточной Азии. Определенное замыкание в себя указанных государств было обусловлено правлением династий горных и кочевых народов (от ариев в Индии до маньчжур в Китае). Но отдельные скотоводческие народы (арабы, греки) также успешно завоевывали море. Например, греческие племена, по Г.В.Ф. Гегелю, беспрестанно переселявшиеся с места на место, стали «с той же свободой носиться по волнам, с какой они распространялись на суше...» [3, с. 257].

Г.В.Ф. Гегель констатировал, что оживленная морская торговля вызывает рост промышленности в приморских городах [3, с. 397]. Прибрежные страны оказываются соединенными морем, вплоть, как известно, до создания единого государственного образования: «...Англия и Бретань, Норвегия и Дания, Швеция и Лифляндия были соединены» [3, с. 133]. Для прибрежных стран возникает внешнее основание развития, и они отделяются от равнинных государств. «...Прибрежные страны в большинстве случаев всегда отделяются от стран, не прилегающих к морю... — отмечал историческую закономерность Г.В.Ф. Гегель. — Таким образом, Голландия отделилась от Германии, Португалия от Испании» [3, с. 182].

Стихию моря Г.В.Ф. Гегель характеризует как стихию беспредельную и свободную, опаснейшую и ужаснейшую, коварную и наиболее обманчивую [3, с. 136]. Ее освоение дало человеку возможность развить новые чувства и стремления, умозрения и изобретения, личные качества и формы общезжития.

Реки и моря — в отличие от гор — не разъединяют, а соединяют людей удобными и наименее трудными путями сообщения, способствуя установлению исторических связей. Из всех морей наиболее важным для мировой истории Г.В.Ф. Гегель считал Средиземное море: «...Средиземное море является соединителем трех частей света и центральным пунктом всемирной истории» [3, с. 133]. Таким образом, в философии истории Г.В.Ф. Гегель освоение моря рассматривается как условие и фактор всемирности исторического развития.

Резюмируя изложенное, прежде всего можно сделать вывод о том, что философия истории Г.В.Ф. Гегеля имеет ярко выраженный географический

профиль. Данный подход к ее экспликации — если абстрагироваться от эмпирически конкретной описательности и частных подробностей — имеет эвристическую перспективу, раскрывающую многообразие путей и форм всемирно-исторического процесса.

В отличие от И.Г. Гердера, фиксировавшего дуализм суши и моря и дифференцировавшего обусловленные ими черты организации общественной жизни [14], Г.В.Ф. Гегель в соответствии с используемой им диалектической схемой опосредствования противоположностей усложнил концептуальную конструкцию и выделил три основных географических типа местности, исключив горы и острова как природные ландшафты, малосущественные для мировой истории. В настоящее время признаны значимость гор в распространении человека по Земле, роль тундростепи как местообитания в период верхнего палеолита, культуурообразующая функция леса. Известный из биогеографии островной эффект также заслуживает внимания при объяснении социокультурного развития, например, Британии и Японии.

Идея географической детерминации культурного разнообразия представляется продуктивной в перспективе разработки проблематики логики культур. Г.В.Ф. Гегель наглядно продемонстрировал возможность раскрытия космо-психо-логоса национальных культур (в терминологии Г.Д. Гачева) [1]. Проработка и дальнейшее развитие намеченной географическим детерминизмом методологической стратегии является важным направлением современной социогуманитаристики.

Список литературы

1. Агапкин И.И. Идея «Космо-Психо-Логоса» в творческом наследии Г.Д. Гачева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. № 2. С. 1–4.
2. Василенко И.А. Геополитика современного мира: учебное пособие. Москва: Гардарики, 2006. 317 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 479 с.
4. Горина Е.Н. Л.И. Мечников о роли географического фактора в развитии общества // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2008. Т. 8. № 2. С. 55–58.
5. Ерыгин А.Н. Философия истории Гегеля и русская мысль XIX века. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2012. 214 с.
6. Каримский А.М. Философия истории Гегеля. Москва: Издательство МГУ, 1988. 270 с.
7. Келле В. Историческое многообразие как проблема методологии // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. 2009. Вып. 3. С. 123–139.
8. Корниенко В.И. Некоторые проявления категорий единства и многообразия в философии истории Г.В.Ф. Гегеля // Новые идеи в философии: эвристические функции научной философии. 2002. № 11. С. 200–201.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. Москва: Политиздат, 1969. 782 с.
10. Макарьев И.В. Философия истории Гегеля: основания концепции и ключевые идеи // Clío-science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза. 2021. Т. XII. С. 263–274.
11. Мустафин А.А. Отечественная геосоциология и географический детерминизм: сравнительный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 21. С. 10–14.

12. Нехамкин В.А. Географический детерминизм как направление в философии истории XVIII–XIX вв.: возможности и ограничения // Социум и власть. 2018. Т. 71. № 3. С. 119–128.
13. Поломошнов А.Ф. Проблема создания цельной философии истории: опыт Г. Гегеля и В. Соловьева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 3. С. 3–8.
14. Тюгашев Е.А. Дуализм моря и суши в философии истории И.Г. Гердера // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2022. Т. 4. № 4. С. 69–76.
15. Философия Гегеля и современность / под ред. Л.Н. Суворова. Москва: Мысль, 1973. 431 с.

References

1. Agapkin II. The idea of «Cosmo-Psycho-Logos» in the creative heritage of G.D. Gachev. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2018;(2):1–4. (In Russ.)
2. Vasilenko IA. Geopolitics of the modern world: study, manual. Moscow: Gardariki; 2006. 317 p. (In Russ.)
3. Hegel GWF. Lectures on the philosophy of history. Saint Petersburg: Science; 1993. (In Russ.)
4. Gorina EN, L.I. Mechnikov on the role of geographical factor in the development of society. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2008;8(2):55–58. (In Russ.)
5. Erygin AH. *Filosofiya istorii Gegelya i russkaya mysl' XIX veka*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuFU; 2012. 214 p. (In Russ.)
6. Karimskii AM. *Filosofiya istorii Gegelya*. Moscow: Izdatel'stvo MGU; 1988. 270 p. (In Russ.)
7. Kelle V. Istoricheskoe mnogoobrazie kak problema metodologii. *Chelovek vchera i segodnya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya*. 2009;3:123–139. (In Russ.)
8. Kornienko VI. Nekotorye proyavleniya kategorii edinstva i mnogoobraziya v filosofii istorii G.V.F. Gegelya. *Novye idei v filosofii: evristicheskie funktsii nauchnoi filosofii*. 2002;(11):200–201. (In Russ.)
9. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 29. Moscow: Politizdat; 1969. 782 p. (In Russ.)
10. Makar'ev IV. *Filosofiya istorii Gegelya: osnovaniya kontseptsii i klyuchevye idei. Clio-science: problemy istorii i mezhdistsiplinarnogo sinteza*. 2021;XII:263–274. (In Russ.)
11. Mustafin AA. Otechestvennaya geosotsiologiya i geograficheskii determinizm: sravnitel'nyi analiz. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2012;(21):10–14. (In Russ.)
12. Nekhamkin VA. Geograficheskii determinizm kak napravlenie v filosofii istorii XVIII–XIX vv.: vozmozhnosti i ogranicheniya. *Sotsium i vlast'*. 2018;71(3):19–128. (In Russ.)
13. Polomoshnov AF. Problema sozdaniya tsel'noi filosofii istorii: opyt G. Gegelya i V. Solov'eva. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2006;(3):3–8. (In Russ.)
14. Tyugashev E.A. Dualizm morya i sushi v filosofii istorii I.G. Gerdera. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 2022;4(4):69–76.
15. *Filosofiya Gegelya i sovremennost'*. Ed. by L.N. Suvorova. Moscow: Mysl'; 1973. 431 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Александрович Тюгашев — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Tyugashev — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia. **E-mail:** filosof10@yandex.ru